

Древнерусские стереотипы стали самодовлеющими

Интервью с доктором исторических наук, профессором РГГУ, членом академического совета центра «Сэфер», ведущим научным сотрудником Института славяноведения РАН Владимиром Яковлевичем Петрухиным, который недавно по приглашению Карельского отделения "Молодёжной правозащитной группы" побывал в Петрозаводске и прочитал лекции студентам карельских вузов.

– Владимир Яковлевич, расскажите, пожалуйста, о традиционном отношении русского православия к иноверцам и инородцам.

– Тема исторически глубокая, потому что она восходит к самому началу православия – к эпохе крещения Руси при князе Владимире. Историки редко обращают внимание на то, что начальное русское православие использовало традиционные, но очень архаические истоки для того, чтобы объяснять своё место в мире и своё отношение к этому миру. Эти истоки определялись, конечно же, религиозным православным канонам, и в первую очередь трудами отцов церкви. В древнейшем русском православии чтили трёх святителей: Иоанна Златоуста, Василия Великого, Григория Богослова. Их проповеди были яркими полемическими произведениями, направленными на то, чтобы определить место христианской религии в мире; определить отношение к господствующему мировоззрению и к иным конфессиям в том мире, в котором жили отцы церкви.

Это был мир поздней античности, миром римской империи, когда христианство только-только становилось государственной религией этой империи. В 3-4 веках главными противниками христианства были, с одной стороны, непосредственно его предшественник – иудаизм, с другой стороны, господствовавшее мировоззрение поздней античности – язычество, то язычество, которое воплощалось не только синкретическими культами разнообразных племенных богов, но и великой античной философией, представленной учениями Платона и Аристотеля, неоплатониками. Всё это было в значительной мере чуждо христианскому мировоззрению, в центре которого было божество, Бог-творец, но не тот космос, который интересовал античную философию. Поэтому полемически заострены были творения отцов церкви против язычников, *в том числе против внешней науки, которую не отрицали целиком отцы церкви, но которая была им чуждой по своей идеологии. Она была эллинской, а стало быть языческой.* И, во-вторых, против предшественников христианства, отношения с которыми были сложны, поскольку ранние христиане не могли для себя определить толком насколько далеко отошли они от традиций закона, который считался Ветхим Заветом в христианской традиции.

Эти полемические сочинения стали тиражироваться в Древней Руси. На них ориентировались идеологи церкви. Поэтому в древнерусской литературе большое значение имеет антииудейская полемика и полемика против язычества. Иногда, когда историки напрямую пытаются интерпретировать эти литературные канонические сюжеты, то кажется им, что, действительно, главными врагами раннего русского христианства были иудеи. И хотя нам известно, что иудеев в Древней Руси было мало – мы знаем только одну общину, которая существовала в начале христианской эпохе в Киеве – вспоминают историки, что были до того хазары, с хазарским игом, и кажется, что это хазарское наследие тяготело над русской православной традицией и представляло собой угрозу, с которой нужно было бороться основателям русской христианской церкви.

Итак, иудеи, иудаизм, с одной стороны и язычники, язычество, с другой. Бесконечные древнерусские полемисты обрушивались на то, что новые христиане, недавно принявшие крещение, не в состоянии вникнуть в глубины и суть православного вероучения, и продолжают поклоняться идолам, древним божествам, которым привыкли поклоняться на протяжении столетий господства язычества. Всё это остаётся актуальным по сей день, потому что в православной риторике остаётся сильной полемическая антииудейская струя, хотя иудаизм в истории России не имел того значения, какое он имел в Римской империи. Православная церковь была государственной и иные конфессии не в состоянии были всерьёз угрожать государственной религии. В не меньшей мере это касается язычников, потому что сейчас, в эпоху национального романтизма, опять общественный интерес, особенно у энтузиастов-романтиков, вызывают древние дохристианские языческие

традиции. Надо сказать, что сами церковники в первые века христианства сильно постарались, чтобы истребить все эти традиции. Любой фольклор для церковников был язычеством, что отчасти соответствовало канону, потому что язычество – это национальная, а не универсальная мировая традиция. *Христианство есть универсальная религия, касающаяся всех людей, всех народов; язычество – это традиция, которая отделяет свой народ от всех остальных.* Христианская церковь боролась с теми традициями, которые отделяли христианский, вновь крещёный народ от универсальных идей христианской религии. Язычество было уничтожено в первые же века христианства. На Руси у него не было силы, у нас не осталось никаких мифологических текстов.

Ситуация была примерно той же, что и ситуация с евреями, – почти не было язычества и не было сильных пережитков язычества. Национальные романтики очень сильно переживают отсутствие нашей языческой древности в нашей традиции. Отсюда попытки возродить или даже воссоздать эту языческую древность, попытки создать некие произведения, которые могли бы сравниться с дохристианскими языческими произведениями других народов мира, Греции и Рима, Западной Европы. Отсюда появление «древних» текстов вроде Велесовой книги – недавнее творение национальных романтиков. Этот национальный романтизм, питаемый вполне искренними чувствами, во многом оказывается ложным в своих истоках и затуманивает национальное сознание современных людей, так же как и идея о том, что иудеи были вечными, исконными врагами христианской религии.

– Какой был уровень грамотности, образованности в Древней Руси после её крещения?

– Мы говорим о Русской православной культуре, которая возникла после крещения Руси в конце 10 века при князе Владимире. Были новгородские берестяные грамоты, традиция написания которых широко распространилась в древнерусских городах. Но мы не должны себе представлять дело так, что сразу после крещения Руси образование, грамотность, школы возникли во всех городах и весях. Даже в Новгороде, как недавно выяснилось, грамоты писали довольно немногочисленные писцы по просьбе тех, кто был заинтересован в том, чтобы написать тот или иной документ. Грамотность была на низком уровне. *Рассказываю т, что когда Владимир, а за ним Ярослав пытались отобрать русских людей для того, чтобы их учили книжной грамоте, то родители этих детей, принадлежавшие, безусловно, к элите русского общества, плакали о них как о мертвецах. С плачем отпускали детей учиться, потому что понимали, что они лишаются светской карьеры. Они должны будут учиться церковной грамоте, церковной науке, первым делом, и становятся членами церкви, клира, а не дружинниками и администраторами князя.* Проблема эта была всегда и осознавалась самой православной церковью, потому что *грамотные церковные полемисты постоянно сетовали на то, что неграмотные попы постоянно подвергаются воздействию языческих дохристианских традиций, и не в состоянии учить своих прихожан правильно истинной канонической христианской мудрости.*

Это, по всей видимости, было действительно так, потому что в фольклоре не сохранилось почти ничего дохристианского. С этим церковь боролась решительно. Но вот неканонические христианские традиции в фольклоре сохранились. Среди них одно из самых известных преданий о дуалистическом творении; о том, что два творца были равны вначале, в эпоху первотворения, а Богу помогал Сатана. Конечно, Сатана делал всё плохо, а Бог хорошо. Тем не менее этот дуализм совершенно не свойственный христианской библейской традиции был широко распространён в Восточной Европе и наверняка эти рассказы о том, как Бог призвал себе на помощь младшего брата Сатану распространялись не какими-то заходящими миссионерами с Балкан, не манихеями, не богомилами как об этом писали церковники, а самими малограмотными священнослужителями, которым надо было как-то позабавить своих прихожан, рассказав им доступную историю о том, как был сотворён мир. Это был аналог светской культуры. В то время как памятников древней словесности от Древней Руси, собственно говоря, не осталось. За исключением, пожалуй, одного, уникального, о котором не прекращаются споры. Это было «Слово о полку Игореве». Древнее произведение русской литературы. И недавно академик Зализняк показал, что в основе его лежит некий древний текст 12 века, потому что сами грамматические конструкции восходят к этому веку.

«Слово о полку Игореве» имеет странные фрагменты отношения к язычеству, недопустимые в христианстве, и в том христианстве, которое получило распространение на Руси – в русском православии. Русские там называются даждьбожьими внуками, то есть внуками языческого солнечного божества Даждьбога. В православной традиции это было недопустимо. Во всех прочих традициях, например, западноевропейских, такие конструкции были закономерны и распространены. Народы или правители этих народов считались потомками этих богов. То есть боги превращались не в Богов, а в предков реальных правителей или даже реальных народов. На Руси традиция, связанная с античным подходом к древности, с подходом, который появился вместе с античным мыслителем-рационалистом Эвгемером, отсутствовала.

Ничего такого эвгемеровского, никакого эвгемеризма на Руси не было (Эвгемер известен учением, вошедшим в историю религии как эвгемеризм, согласно которому вера в богов возникла из культа умерших или живущих великих людей (правителей, жрецов, философов), возведённых за свои заслуги в степень божеств, – ред.). *Это было только в «Слове о Полку Игореве». И это, по всей вероятности, и определило его судьбу.* «Слово» не переписывалось русскими книжниками, которые, видимо, считали его языческим и недостойным того, чтобы тиражировать. Поэтому у нас и не осталось ни одной рукописи этого загадочного памятника, который был в коллекции Мусина-Пушкина и погиб окончательно во время московского пожара 1812 года.

Никаких других светских произведений в древнерусской литературе не было. Не было и переводов этих светских произведений. Не мог переводиться, к примеру, Гомер, который, конечно же, был принят в системе образования в современной Византии. Несмотря на то, что он был языческим поэтом, но византийцы-греки привыкли к тому, что это их светская литература развлекательного содержания. На Руси даже о развлекательном содержании речи быть не могло. На Руси аналогом такой литературы были не языческие, греческие или латинские поэты и даже не народный эпос, а переводы благочестивых сочинений. Один из парадоксов, что на Руси эти сочинения представляли собой переводы древнееврейских текстов: многочисленные апокрифы, или псевдоэпиграфы, ходившие на Руси, имеют свои истоки не только в древнеиудейской традиции, но и в той книжности, которая была совершенно запретной и неприемлемой для всего христианского мира. Некоторые легенды из Талмуда ходили по Руси. Легенды, связанные с ветхозаветными событиями, относящимися к эпохе Моисея, Иосифа. Популярен был сон Иосифа о лестнице, по которой с небес спускались ангелы. Были популярны чудесные сказки о Соломоне и Китавресе. И о том, как кичливость и гордыня мудрости Соломона его подводила. Вот такого рода литература заменяла светское чтение в Древней Руси. Это было благочестивое чтение. Легенды тиражировались. В сборниках-комментариях к ветхозаветной истории они назывались «Толковой Палеей», в различных летописцах, которые приписывались эллинам и римлянам, но никакого дохристианского фольклора и никакой нехристианской словесности в Древней Руси цензура церковная не допускала.

Всё это началось с петровской эпохой. Недаром так нервно церковь реагировала на церковные преобразования. *И то, что возникла под воздействием западно-русской, или украинской и белорусской словесности знаменитая греко-латинская академия в Москве это был нонсенс для традиционной православной культуры, потому что латынство и латынь это был язык еретиков.* Греко-латинская академия не могла возникнуть в традиционной русской культуре. Она могла возникнуть только накануне петровских реформ, когда Русь стала активно, интенсивно питаться той традицией, которая была характерна для западнорусских областей. Для тех областей, которые оказались довольно давно под властью католической Литвы, и там должны были русские книжники впитывать некие принципы латинской культуры, чуждые православию на Востоке.

– Актуальны ли те проблемы, которые стояли перед православной церковью в древности?

– Эти древние, очень мощные импульсы, растиражированные традицией, оказываются самодовлеющими в истории Русской православной церкви. *Все проблемы, которые стояли перед этой церковью в средние века, остаются насущными и сейчас, когда сняты запреты на деятельность православной церкви,* когда советская власть рухнула, и перед православием встали заново те проблемы, которые стояли перед церковью на протяжении многих столетий: проблема отношений с сестринскими церквями. Самодовлеющая традиция, на мой взгляд, до сих пор препятствует нормальным отношениям между римско-католической церковью и православной, чего не скрывают и православные иерархи. Встретиться и обсудить проблемы они толком так и не могут.

Латыняне и православные, начиная с эпохи схизмы, с того самого 1054 года, когда Патриарх Константинопольский и Папа Римский проклинали друг друга, и церкви разделились на римско-католическую и греко-православную, пребывают в натянутых отношениях друг с другом. Эта сложность отношений остаётся непреодоленной. Самые радикальные деятели древнерусской церкви относились к латынянам даже хуже, чем к евреям. Слова, приписываемые основоположнику церковной монастырской жизни Феодосию Печерскому, говорят, что латыняне хуже евреев, ибо евреи не знали, что творили, когда предавали на казнь Христа, а вот латыняне, которые неканонически относятся к христианской традиции, они знают, что делают, они сознательные еретики, они сознательно отказались от истинной христианской церкви. Такой радикальный подход был свойствен, конечно, не всем представителям церковной иерархии. Латинские традиции оказывали иногда самое парадоксальное воздействие на русскую православную традицию там, где опять был необходим некий радикализм, потому что русская православная традиция была ригористически, очень остро направлена против иноверцев и инородцев, то есть против иудеев и язычников. Одним из парадоксов этой самой русской

православной традиции было включение в Киево-Печерский патерик «Слова о Евстратии Постнике», где повествуется о еврее-работоторговце, якобы распявшем пленника Евстратия, попавшего под его власть. Это была пародия на евангельское распятие и один из очень ранних религиозных наветов. Киево-Печерский патерик формировался в 13 веке, а такого рода наветы сформировались несколько ранее в латинской, западно-европейской традиции. Первым делом вспоминается навет в английском городе Норвиче. Евреев обвиняли в том, что они распяли младенца, издеваясь над распятием Христа. Но там, в Норвиче, существовало римское право, и шериф не решился преследовать евреев по этому обвинению, справедливо посчитав его выдумкой.

На Руси, хотя в этот момент уже и не было еврейских общин, не было евреев, оказался актуальным этот сюжет заимствованный вместе с теми сюжетами, которые тиражировались во время крестовых походов.

– Есть ли примеры православной инквизиции?

– Другой знаменитый случай, когда мы можем говорить о православной инквизиции, относится к более поздней средневековой эпохе, к концу 15 века, когда православные иерархи стали преследовать своих противников, пытавшихся найти поддержку при дворе великого князя Ивана III. Архиепископ новгородский Геннадий и настоятель Иосифо-Волоцкого монастыря Иосиф Волоцкий попытались обвинить своих соперников в том, что они не просто еретики, а в том, что они жидовствующие. Это было им необходимо потому, что еретиков ждало церковное наказание, но они оставались живыми и были в состоянии участвовать в полемике, которая возникала между разными кругами русского общества в период строительства централизованного российского государства. Нужно было своих соперников обвинить в том, что они отреклись от православной веры и за это отречение по средневековым канонам была положена смертная казнь. Поэтому и Геннадий, и Иосиф Волоцкий стремились обнаружить в своих писаниях иудейские истоки этой еретической традиции, которая распространилась в Новгороде и в Москве в конце 15 – начале 16 века. Архиепископ Геннадий прямо использовал ту информацию, которую получили в России от посла Священной Римской Империи, которая касалась расправы над еретиками в Испании.

В Испании точно так же казнили в соответствии с приговорами инквизиции тех иудеев, которые перешли в христианство, но были нетверды в новой вере и сохраняли свои иудейские традиции. Попытались и русские церковники, боровшиеся с ересью, показать, что точно так же московские и новгородские еретики были тайными иудеями, и как испанский король они стремились с ними расправиться. Это в конце концов удалось Иосифу Волоцкому после того, как Геннадий сошёл с политической арены в начале уже 16 века. Удалось казнить этих самых еретиков. В чём было содержание этой ереси, церковь не только не пыталась объяснить, но и предупреждала, что не нужно выяснять у еретиков, на чём они, собственно говоря, настаивают, потому что если будет публичная полемика, то могут соблазниться ересью прочие прихожане. Так что это был один из первых политических процессов, который проходил под явным воздействием инквизиционной испанской традиции. Бедных еретиков ещё при Геннадии посадили задом наперёд на лошадей в шлемах из бересты с надписью, что сие сатанинское воинство. Иногда наши учёные филологи-романтики пишут, что это была наша традиционная народная культура, такое фольклорное отношение к еретикам как к служителям сатаны. Но в действительности это было то, что описывал посол священной римской империи, говоря об испанских инквизиционных процессах. Это было аутодафе, типичное для Западной Европы. Это было воспринято на Руси. Надо отдать должное архиепископу Геннадию, он всё-таки совершил некий религиозный подвиг, собрав книжников у себя в Новгороде и создав полный свод библейских книг на древнерусском языке. *До Геннадия полного свода библейских книг в распоряжении церкви не было.* Для этого он пригласил специалистов, знающих латынь и владевших также словенским языком, из Словении к нему прибыл переводчик. Так что обращение к Западу и контакты с иноверием были необходимы, и эту необходимость ощущала православная церковь. Думаю, что необходимость этих контактов будет признана и нынче. Традиционное противостояние православия и латынства в этом ригористическом ракурсе, как это было на протяжении столетий, себя исчерпает.

– Судя по всему «жидовствующих» было не так и много, и никакой угрозы они церкви не представляли, хотя обвинялись церковью. С кем же велась антииудейская полемика и можно ли назвать это полемикой вообще, ведь церковь сама не интересовалась ересью и другим это делать строго-настрого запрещала?

– Мой коллега из шведского города Лунд Александр Пересветов-Морат, русский и православный по происхождению, написал целую большую книжку об антииудейской полемике в Древней Руси. Он её назвал цитатой из Льюиса Кэрролла – «Улыбка Чеширского кота». Известный литературный мотив, когда улыбка есть, а кота нет. Вот точно так же, по Пересветову-Муратову, антииудейская полемика есть, а иудеев нет. Да и эти литературные произведения, собственно говоря, не являются полемическими. Это были некоторые глоссы на

полях канонических произведений, где описывалось, например в «Толковой Палее», ветхозаветная история, и полемист замечал, как бы на полях, а ты, жидовин, так и не понимал, в чём суть завета Моисея. Это был комментарий, адресованный отнюдь не иудеям, а православному читателю. Так что эта «полемика» была, скорее, вариантом канонической литературы. Что касается того, как церковь пыталась обвинять актуальных иудеев в том, что именно они виноваты в еретических движениях на Руси, то здесь один из замечательных специалистов по древнерусской литературе Яков Соломонович Лурье написал большую книгу, где он проанализировал практически все источники, связанных с ересью жидовствующих, и обратил внимание на то, что в ранних исторических документах, в летописях, которые были связаны с эпохой зарождения ересей, ни слова не было сказано ни о каких евреях. О евреях впервые заговорил архиепископ Геннадий через 20 лет после того, как какой-то, по его словам, «заезжий жидовин» завёз ересь в Новгород. Никаких документов об этом жидовине мы не знаем, и имени его архиепископ Геннадий не назвал. Зато это имя ещё через десятилетие назвал Иосиф Волоцкий и здесь похоже на то, что мы имеем дело не столько с фальсификатом, сколько с попыткой выдать желаемое за действительное. Вот надо было найти этих самых евреев, найти конкретные имена для того, чтобы эти конкретные обвинения можно было сформулировать против еретиков. Без евреев невозможно было доказать переход еретиков в иудаизм.

– Что означала еврейская угроза и почему о ней помнили и эти ригористические идеи тиражировали древние книжники при отсутствии самих евреев? Кто на самом деле нанёс церкви большой ущерб?

– Это наследие отцов церкви, которое было принято в официальной канонической церковной литературе. *Церковь была государственным институтом. Её поддерживали с самого начала, как только Владимир дал десятину. Содержалась церковь на деньги государства.* Соответственно правители этого государства прислушивались к тому, что говорила церковь об иноверцах и инородцах. Поэтому отношение русских правителей, русских князей к евреям отличалось от того отношения, которое сформировалось там, на Западе Европы. На Западе Европы были многочисленные еврейские общины, которые занимались тем, чем они привыкли заниматься ещё в римскую эпоху и Средние века: финансовыми операциями, ростовщичеством, работорговлей. Они были необходимы западноевропейским сеньорам, поскольку те постоянно нуждались в финансовой поддержке. Они постоянно следили, чтобы евреи были в состоянии снабжать их деньгами. Если вдруг какой-нибудь христианский радикал вспоминал, что нехорошо пользоваться услугами евреев, то просто мог он их изгнать из своей страны, попытавшись отобрать их собственность. Как не раз это происходило в Англии и Франции. Но как только появлялась необходимость в деньгах, европейские сеньоры призывали евреев, гарантируя им безопасность, право отправлять свой культ. Это было характерно и для славянских князей в западном мире, который ориентировался на латинские традиции. Князья Чехии и Польши приглашали евреев, вместе с немцами, для того, чтобы те налаживали городской быт там, где он не был развит. Чехия и Польша были окраинами того цивилизованного мира, где ещё в римскую эпоху существовали города. Поэтому еврейские общины Польши и Литвы переживали расцвет в 15-16 вв.

На Руси же знали, что евреи исконные враги православия, и доступ евреев в православные русские земли формирующегося российского государства был закрыт. Только единицы в виде врачей проникали на территорию Древней Руси. Иногда проникали переводы; скорее всего из соседней Литвы, где евреи жили спокойно – права их были гарантированы привилегиями великих литовских князей. *Но в самой древней средневековой Руси еврейской диаспоры не было, и вся эта антииудейская полемика напоминает улыбку чеширского кота. Ригоризм православных книжников постоянно конструировал этот образ врага, идею того, что христианская церковь остаётся церковью как бы гонимой, хотя в действительности это была государственная церковь, поддержанная всеми государственными структурами.* Надо сказать, что эта роль православной церкви, как церкви государственной, в конце концов пагубно сказалась на её судьбах в эпоху революционных перемен. *По тому что государственная религия, официозное бюрократическое православие, конечно же, не вызывало сочувствия среди массы верующих. Поэтому-то разорение, к которому она подверглась в годы большевистского террора – это всё, как утверждают опять же радикалы-националисты, заговор инородцев и евреев, которые оказались во главе коммунистической революции. Но по документам мы знаем, что грабили церкви, разоряли их и превращали, прошу прощения, в отхожие места жители тех сёл и деревень, которые в глаза не видели ни одного еврея.* Это несчастная судьба и проблема, которая остаётся актуальной и по сей день. Православная церковь должна находить путь к сердцам своих прихожан и по иному формулировать свои идеи, отказавшись от средневековых стереотипов, что сделать довольно сложно.

– Расскажите, пожалуйста, о первом древнейшем документе, который связан с русской и, как выясняется, с еврейской историей.

– В середине прошлого века американский гебраист Норманн Голб обнаружил в колоссальном архиве

еврейских актов в Кембриджском университете письмо – рядовой документ, относящийся к быту еврейской общины, которая попыталась выручить одного из своих членов, попавшего в беду. Он оказался несостоятельным должником. Был заключён иноверцами в долговую тюрьму. Община решила его выкупить, но денег у неё не было, и община взяла этого должника на поруки, снабдив его письмом о том, что он может пойти по другим еврейским общинам, чтобы набрать необходимую сумму и расплатиться. Рядовой документ, но дело в том, что община эта была общиной города Киева, а несчастный должник Яков происходил из этого города. Норманн Голб датировал этот документ по палеографическим данным 10 веком, то есть это время до крещения Руси. Таким образом, это древнейший аутентичный документ, происходящий из Киева, из Древней Руси, ну, в общем, древнейший русский документ, написанный на еврейском языке квадратным шрифтом довольно хорошо читаемый. Этот парадокс связан с жизнью еврейско-хазарской общины в Древней Руси. К доверителям, которые подписывали этот документ, относится человек, имя которого до сих пор вызывает недоумение у читателей этого документа. Он именуется Гостята бар Кьябар Коген. Гостята – традиционное русское имя, известное по берестяным грамотам; бар Кьябар означает, что он сын некоего Кьябара; Кьябар это название, родственное тюркским племенным названиям, скорее всего, он потомок кого-то из коваров. Ковары – это одно из хазарских племён. Но почему он именовался при этом когеном, мы понять не можем. Дело в том, что прозвание когенов давалось представителям наследников жреческой касты, для которых несвойственно было восприятие никаких инородческих, иноверческих традиций. Гостята в роду Когенов появиться в те времена не мог. Такой оксюморон известен нам в древнейшем киевском письме 10 века, в письме еврейско-хазарской общины.

– Сегодня радикальные экстремистские националистические группировки находят оправдание своим взглядам и действиям в средневековых православных представлениях об инородцах и иноверцах. Церковь кажется не отрещивается от этих радикалов...

– Те древние традиции, те стереотипы, которые сформировались в силу уникальных исторических условий, в силу того, что довольно-таки поздно в конце первого тысячелетия христианской истории Древняя Русь восприняла христианство. Эти стереотипы остаются самодовлеющими. Отказаться от них довольно сложно, как сложно отказаться от того, что Евстратий Постник, якобы распятый работником-евреем в Херсонесе, был лицом либо не реальным, либо такое с ним вообще не могло произойти. Естественно, ни один еврей не мог распять христианина по той простой причине, что за эту акцию он был бы побит камнями своими же единоверцами как человек, совершивший преступление. Тем не менее все эти средневековые стереотипы продолжают жить, тиражируются. И ссылаются современные церковные теоретики на этот документ как на документ реальный. И мне самому приходилось слышать в выступлениях профессоров-теологов Духовной Академии характеристику Иосифа Волоцкого, которая сводилась к тому, что Иосиф не случайно требовал казни, а не покаяния еретиков потому, что, говорили эти современные религиозные радикалы, конечно же, эти жидовствующие покаются, но потом они о своём покаянии забудут и опять будут губить и разлагать православную церковь. Так что их надо было убить. Не вполне христианский подход, но вот мы имеем с ним дело.

И конечно, эти радикальные традиции русского православия впитывают радикальные националистические движения, которые считают, что суть православия в том, чтобы спасти всё человечество, а для этого надо врагов человечества уничтожить. Главными врагами человечества по инерции оказываются те же самые евреи и главными врагами радикальных националистических движений остаются евреи. Здесь они ссылаются и на православную традицию, чтобы замаскировать те основы, которые есть у националистических движений в реальности. Конечно, основы эти нацистские. Нацистские сайты тиражируются сейчас в Интернете. *Недавно даже на уровне Думы обсуждались цитаты из еврейского канонического сочинения «Шулхан Арух». Конечно же, эти цитаты были взяты разоблачителями еврейской традиции не из «Шулхана Аруха». Не читали они этого произведения ни на иврите, ни в переводе. Всё это взято с нацистских сайтов. Всё это тиражировалось в эпоху нацизма: «Протоколы сионских мудрецов» и прочая дребедень.*

Националистические движения тиражируют эту информацию, сканируя её с нацистских сайтов. Эта традиция, увы, пытается найти оправдание у доверчивых людей тем, что она основывается на православном подходе к иудеям, и, конечно, церкви следует отреститься, если эта церковь действительно христианская, опираясь на то, как учил эту церковь апостол Павел, от такого рода радикальных подходов, требующих «окончательного решения еврейского вопроса» в таком нацистском духе.

– Почему православная церковь до сих пор так ревностно относится к ценностям западноевропейского общества. Часто приходится слышать антизападную риторику. Способна ли РПЦ вообще к диалогу?

– Прежде всего, мы сосредоточились на тех средневековых стереотипах, от которых отрешиться очень сложно любой церковной организации. *Что касается неприятия западных норм, то оно основывается на*

том же стереотипе неприятия латынства с его пережитками римского права, томлениями о правах и обязанностях граждан, в том числе прихожан; это то, что было чуждо средневековой русской традиции. Проще всего опереться на эти стереотипы, и я думаю, что борьба с ними это очень тяжёлое нравственное дело, в том числе и внутри церкви, потому что проще всего вернуться к тому, что уже было, чувствуя, что тебя поддерживает государство на самом высоком уровне. Попытаться создать некую государственную идеологию в том духе, в каком церковь уже её создавала при императоре Николае I. Потому что тогда и были сформулированы вполне православными людьми те принципы, которые и должны были противостоять западным принципам, разнесённым по миру Великой французской революцией: Свобода. Равенство. Братство. Против этого были выдвинуты другие принципы: Самодержавие. Православие. Народность. И вот от этих принципов отрешиться и нынешней православной церкви довольно сложно. После канонизации последнего императора и его семейства, всё это возвращается на круги своя. Скорее всего, это действительно неприемлемо с точки зрения современных реалий. Опираясь на эти принципы, русская православная церковь проиграла. Она была государственной религией. У неё в руках были все возможности обращения к прихожанам, но противостоять большевистской пропаганде эта церковь оказалась не в состоянии. Эти средневековые стереотипы непригодны для того, чтобы их использовать в современной ситуации. Но расстаться с ними ни одна религия, не только православная, не может. Это болезненная проблема. Как относиться к инородцам и иноверцам носителям великих универсальных глобалистских идей? И не самый глупый человек господин Вольтер недаром имел только одну программу в отношении церкви – «Раздавите гадину». Что делать с этой самой религиозной ограниченностью в мире, где должно быть братство, свобода и равенство, Вольтер не знал. Места в этом мире для церкви не находилось. Сейчас, если церковь хочет найти себе место в мире, она должна учитывать эту сложившуюся ситуацию с этими универсальными ценностями. Борьба с ними дело, кажется, бесперспективное.

– Верите ли Вы в Бога?

– Это главная проблема, которая стоит перед каждым человеком. Потому что это, в конечном итоге, проблема добра и зла – существуют ли эти категории. Я считаю, что существуют и стало быть я должен с почтением относиться к тем традициям, которые основаны на этих категориях. Эти традиции сформулированы в Священном Писании и, конечно, я почитаю Священное Писание как то, на чём должны основываться принципы современной цивилизации. Мы никуда не уйдём от Библии. Мы знаем, что без мифа о добре и зле человечество обойтись не может. Как оно не может обойтись без литературной и мифологической традиции вообще. Бог как Абсолют, как некое существо, по образу и подобию которого был сотворён человек, – всё-таки это такая мифологическая библейская традиция. Бог как воплощение Добра, конечно же, есть.

– Поведайте нам, пожалуйста, о Ваших предках. Не они ли предопределили Ваше мировоззрение?

– Что касается моих предков, то здесь всё довольно сложно. Потому что у меня есть предки и с еврейской, и с православной стороны. И я привык к тому – и это, возможно, то, что предопределило мою позицию – что мои бабушки общались во время православных и еврейских праздников, когда они обменивались своими блюдами вопреки «Шулхан Аруху». Вопреки всем традициям, когда на одном столе оказывалась фаршированная рыба и маца, а на другом столе творожная пасха с куличом. Дед, конечно, был в стороне от этого – он был религиозным евреем и не прикасался ко всему этому некошерному. Но бабушки, а женщины всегда были проводниками настоящих, живых традиций, общались так, запросто.

В подмосковном городе Пушкине, где я родился, были сильны антисемитские традиции, потому что там была довольно большая еврейская община. Мне рассказывали как в 1953 году, когда пришла милиция описывать и осматривать дом, в надежде на то, что евреев сошлют в последние месяцы правления Сталина, еврейская бабушка приходила и плакала, а православная бабушка говорила, что не могут править страной бандиты, это невозможно. И вот тут её святая уверенность, которая не спасла её во время революции от ограбления теми самыми бандитами, эта святая вера оправдалась, потому что главный в этой истории бандит не выжил, и на знаменательный еврейский праздник Пурим отдал, не знаю уж кому, душу. В такой семье и была запрограммирована моя толерантность и моё уважительное отношение к той и другой традиции, которые были воспитаны моими предками, которые в состоянии были друг друга понимать и поддерживать в сложные моменты. Сохранилось такое воспоминание как в Пушкино мальчишки, прыгая вслед за бабушкой, кричали, что на первое мая мы пойдём евреев бить. 1 мая – это советская традиция, потому что с такими же лозунгами выступали мальчишки, угрожая погромами на Пасху. Советский праздник заменил православный. Но между моими предками, слава Богу, всё было по-другому. И это внушает мне некоторый исторический оптимизм.

– Существуют ли в исламе подобные стереотипы? Почему он так отвратителен для современного обывателя?

– Всекие радикалы и ригористы, конечно же, существуют в любом движении, в том числе и в исламе. Договориться с ними бывает довольно сложно. Что для меня остаётся пока что загадкой в отношении наших мусульманских общин, это их отношение к современному терроризму. Я не говорю о тех парадоксах, когда гибли люди в зданиях-близнецах в Нью-Йорке, когда в арабских странах, живущих отчасти за счёт американских туристов, был общий праздник, когда египтяне, обнявшись, плясали в своих метро. Что возмёмшь с малых сих! Но когда исламские теологи не реагируют на нынешнее радикальное понимание джихада, ибо мусульмане, действительно, должны бороться за распространение истинной веры. Ну что ж. За это должны бороться представители всех авраамических религий. Но они почему-то борются друг с другом больше, чем за распространение этой самой веры. При этом забывают, что джихад – это отнюдь не война с точки зрения исламского канона, насколько я его представляю. Для современных обывателей ислам отвратителен – конечно, для тех, кто не мусульманин – в силу того, что он требует крови, это религия войны. Это неверно. Джихад – это распространение веры всеми возможными средствами. Когда других средств не остаётся, мусульмане оказываются вынужденными братья за оружие. Но это крайнее средство. Вот террористы и эксплуатируют эту идею, заявляя, что у них есть только крайнее средство бороться с такой мощью, как американский империализм и стоящий за ним сионизм. Это страшная пара и для советской идеологии – напоминает средневековую пару иудаизма и латынства в нашей традиции. Так что мы оставались в какой-то мере наследниками средневековой традиции и в советскую эпоху, для которой за империализмом стоял сионизм, который был синонимом иудаизма.

– Можно ли друг друга понять, опираясь на религиозные каноны? Приведите, пожалуйста, позитивные примеры мирного сосуществования культур и традиций.

– С точки зрения церковных канонов довольно трудно договариваться друг с другом. Но приходится. Я как историк могу сказать, что основания для исторического оптимизма здесь есть. Во всемирной истории есть примеры того, когда и мусульмане, и евреи, и христиане строили единую цивилизацию. И тут, пожалуй, можно вспомнить даже не о хазарах, а о том, как строилась европейская цивилизация с идеями о свободе, равенстве и братстве. Это всё возникло отнюдь не во времена Великой французской революции. Её подготовила, конечно, античная культура, философия Платона и Аристотеля, которая давала основы для понимания универсальных проблем бытия. Так вот Платон и Аристотель, которые были недоступны латинской цивилизации в Средние века, были доступны арабам – наследникам греческой культуры. Переводились на арабский, исследовались арабскими философами. Существовала великая средневековая арабская литература и философия. Парадокс заключается в том, что европейцам стал доступен Платон и Аристотель в переводе с арабского на латынь. И вот переводчиками здесь были... можно догадаться кто – люди, которые знали много языков. Этими людьми были евреи, служившие арабам, в том числе писцами и переводчиками. Эти евреи работали переводчиками в Сицилии, которую завоевали норманны, выходцы из Франции. Вот там под властью норманнских королей, которые вынуждены были воспринимать толерантность, потому что население было такое: мусульмане, иудеи, христиане, (причём христиане и греческой веры и латинской). Вот в этой ситуации исторического синтеза были переведены основные труды основоположников современной европейской цивилизации и стали доступны этой самой европейской цивилизации. Взаимодействие этих традиций и культур показывает, что там, где есть прорыв во всемирную историю, в цивилизацию, возможность творчески жить и осмысливать всемирную историю, там взаимодействуют разные этносы, разные конфессии. В этом основа жизни человечества, если мы воспринимаем человечество как некое единое целое, а не как набор народов, каждый из которых должен заниматься исключительно демонстрацией своей национальной уникальности и своей этнической идентичности.

– Какая главная болезнь современной цивилизации?

– Постоянные конфликты. Особенно тот конфликт, который происходит в том центре, который считался центром мира, в странах, которые используют библейскую традицию. Конфликт в Палестине, в центре трёх авраамических религий – в Иерусалиме. Возможен ли выход? Я здесь с сожалением должен сказать как неспециалист, но как человек переживающий за судьбы этой святой земли, что радикалами являются здесь не только оказавшиеся в несчастном положении представители народа Палестины, но и еврейские левые, которые обращают внимание на историческую несправедливость – создание государства Израиль на той территории, где этого государства не существовало уже почти 2000 лет. Как это празднуется в день Палестины: карта Палестины, в которую вонзён нож, из которой течёт кровь. Это рана незаживающая на теле палестинского народа. Что можно сказать с точки зрения всемирной истории по этому поводу? Увы, мы должны сказать о том, что человечество – и здесь мы должны обвинить и западные демократии с их свободой, равенством, братством, и римскую католическую церковь – оказалось не в состоянии гарантировать безопасность целому народу – еврейскому народу – в годы Холокоста, несмотря на то, что правительства демократических стран и католическая церковь были информированы о том, что ждёт этот народ. Спасать

евреев никто не хотел, несмотря на все представления о равенстве и братстве. Это боль всемирной истории, боль непреходящая, проблема Холокоста.

И, конечно, то, что было создано государство при поддержке тогдашнего врага западной цивилизации и любой церковной идеологии Советского Союза – есть исторический феномен, с которым мы должны будем мириться, на мой взгляд. Перекраивать снова карту Ближнего Востока невозможно. И неправы палестинские радикалы, когда они говорят, что как только они уничтожат Израиль, так на Ближнем Востоке воцарится мир. Мы должны напомнить о том, как произошло бегство палестинцев из Палестины; о том, что евреи не собирались прогонять палестинских арабов, и я сам свидетель того, как мои друзья, живущие в Израиле относятся к арабам-палестинцам. Среди моих друзей немало археологов. Я сам археолог по образованию. И мои друзья необычайно ценят умение палестинцев работать с землёй, на археологических раскопках. Лучших рабочих они себе представить не могут. Когда создавалось государство, то оно понимало, что необходимо население, которое в состоянии трудиться. В голову не приходило основателям этого государства гнать куда бы то ни было палестинцев. Проблема беженцев возникла тогда, когда арабские режимы, собиравшиеся сбросить это государство в море, сказали, что начинается война, бегите с этих территорий, мы сейчас уничтожим еврейское государство, и вы вернётесь. Что из этого получилось, мы знаем. Это создало проблему беженцев насколько мне это известно из тех документов, которые мне были доступны.

– Какова роль палестинской диаспоры в этих конфликтах?

– А что касается роли палестинской диаспоры и роли палестинцев как такого будоражащего элемента, дрожжей во всех конфликтах, то я не могу не вспомнить события во Франции 1968-го года и начинающиеся события в Англии, потому что арабские и палестинские радикалы шли во главе колонн революционеров и во Франции, где удалось сделать довольно много, в том числе свергнуть правительство де Голля. А когда спросили у этих революционеров, ну, хорошо, вы свергли правительство, чего вам надо, они не смогли сформулировать свои требования. Они не знали, что им надо. Ну, не нравился им капитализм, и всё. Хотелось им устроить эту самую бузу.

В Англии было всё немножко по-другому. Об этом рассказывал мой английский знакомый профессор Дональд Райфилд, который был свидетелем того, как развивалось это революционное движение в Лондоне, когда революционеры во главе с теми же самыми палестинцами, которые знали уже, что такое Интифада, и несли камни за пазухой, столкнулись с полицией. Полиция в Англии не вооружена. Это была конная полиция, которая охраняет порядок – преграждала доступ к центральным английским офисам. Тут же собралась толпа благонамеренных английских граждан, которые пришли посмотреть, что же будут делать их детки – как бы с ними чего нехорошего не вышло. Эта толпа, в общем, сочувствовала своим детям, конечно, но палестинцы тут не рассчитали. Один из них запузирил камнем в полицейского, что с точки зрения проклятой английской демократии было преступлением, но в добавок он промахнулся и попал в лошадь. Для англичан, с точки зрения которых лошадь это святое, это было сигналом к тому, что надо было что-то делать с этими детками. Англичане бросились на эту толпу революционеров и принялись её колотить. Поскольку это были родители, то дети не в состоянии были поднять руки на родителей. Революция в Англии была задавлена благодаря необдуманной радикальной акции одного из руководителей всего этого движения. Это похоже на анекдот, но анекдот показывающий, как сталкивается цивилизация с радикальными движениями. Когда местные жители бьют дамскими сумочками неонацистов. Цивилизация в определённых смыслах это хорошо. Это оптимистическое отношение к цивилизации и к одной из стран, которая родила эту цивилизацию, к Англии, которая не менее ненавидима сейчас радикальными режимами, чем США.

– Сегодня в России ни в светской, ни в церковной среде нет общего для всех морального авторитета, личности, к мнению которой все прислушивались бы. На место такого авторитета пытаются поставить нечто суррогатное, слепленное политтехнологами, ненастоящее. Неужели интеллигенция выродилась? Неужели никто не назовет власти, ради чего она существует? Не связан ли этот кризис ещё и с тем, что интеллигенция пытается оказывать те или иные услуги власти имущим?

– Проблема интеллигенция и власть – это почти такая же проблема, хотя другого уровня, как отношение к Богу. Интеллигенция должна напоминать власти о существовании добра и зла. Точно так же как это обязана делать и церковь. Поэтому, когда церковь служит власти и государству, она забывает о своём каноническом деле, обязанности. У меня была одна встреча наряду с другими историками, занимающимися древностью, с президентом. Мне представлялась адекватной реакция президента на то, что ему говорилось, что само по себе было отрадно, потому что у предшественников правителей реакция была не всегда адекватной, иногда даже в чисто медицинском смысле. Что в этой встрече насторожило и обескуражило меня это вопрос президента о том, что нам нужны новые национальные исторические идеи, которые бы объединяли общество, потому что старые идеи о том, что Киев – мать городов русских, уже не работает. Не раз встречался

президент не со мной, а с другими представителями исторической академической науки, обсуждалась эта проблема. Насколько я знаю, сейчас Путин согласился с тем, что мы являемся наследниками исторических традиций, и создавать некую риторическую историческую науку не следует. Я могу сказать, что эти проблемы перед властью были всегда. И сейчас очень болезненной оказывается проблема, порождённая одним из создателей интеллигенции и науки в России Михаилом Васильевичем Ломоносовым, который и попытался создать риторическую историю, изгнав немцев, которые были специалистами-аналитиками, и создать ту историю, которая была бы направлена на пользу обществу. Ему казалось, что надо написать историю, которая учила бы людей, как надо жить, не обращая внимания на те моменты, которые, ну, ни к чему обществу. Вот эта риторическая официозная наука, которая не раз возникала в Российской империи, пытается набрать силы и сейчас. Когда опять начинается борьба с этой пресловутой реакционной норманнской теорией, когда шельмуются основатели нашей исторической науки эти злополучные немцы, которых изгнал Ломоносов путём доносов властям предрежающим между прочим, а не путём открытого диспута. Писались доносы Михайло Васильевичем на Миллера и его предшественника Байера прямо-таки президенту Академии и самой государыне императрице. Это всё чрезвычайно опасно. Попытка услужить властям предрежающим и со стороны академической интеллигенции и со стороны церкви это, конечно же, забвение той функции, которую должна нести в обществе интеллектуальная и конфессиональная элита. Вот, кстати, ещё один вопрос о том, как интеллигенция должна относиться к Богу. Непрофессионально, не так как к Богу относятся священнослужители. Это единственное, что можно сказать по этому поводу.

– Давайте поговорим о конкретных личностях, таких как, например, А.С.Пушкин, Д.С.Лихачёв, вступавших в полемику с властью, действовавшими вразрез с идеологией власти.

– Проблема очень тяжёлая, неоднозначная. Мы знаем, что тот, человек, который считается нашим всем – Александр Сергеевич Пушкин – был в сложных отношениях с властью и даже со своими друзьями по поводу своих великодержавных комплексов. Знаменитое письмо Павла Андреевича Вяземского в ответ на его патристические вирши, в котором Вяземский писал: «Ну что ж у нас хорошего, если у нас от одной мысли до другой две тысячи вёрст?». Это ответ интеллектуала на некую такую официозную позицию великодержавной поэзии. Проблема вечная и по-разному должна вести себя интеллигенция. Я бы может быть сказал сейчас об одном из русских интеллигентов, с которым мне довелось встречаться очень мало, но труды которого я знал со студенческих времён, на них опирался, и из которого пытались сделать некую икону. Это академик Дмитрий Сергеевич Лихачёв, о котором говорили, что он совесть русской интеллигенции. Творили кумира, что обычно бывает, когда вдруг появляется человек, которого трудно упрекнуть в чём-либо. Он, пожалуй, служит таким эталоном интеллигентного человека, который жил и работал в ту эпоху, когда по большому-то счёту нельзя было быть интеллигентом. В эту эпоху застоя, когда надо было служить тоталитарному государству, начинал он при товарище Сталине, начинал в известном СЛОНе, куда попал за некие изыски, ну, вот нравилось изучать всякие филологические тонкости и древнерусский язык в каком-то кружке, которых было много в те времена. Кружок Бахтина существовал, кружок в Санкт-Петербурге, к которому принадлежал Д.С.Лихачёв. Всех их пересажали. Все они поняли, что их ждёт и могли бы отказаться от своей роли интеллигентов, тех интеллектуалов, которые опять-таки напоминают обществу о существовании не просто каких-то духовных ценностей, но по большому счёту о добре и зле – главное, о чём должна напоминать обществу культура и религиозная, и светская, на мой взгляд. Д.С.Лихачёв, начиная с каких-то самых низких, неинтеллектуальных ступеней (он был корректором, каким-то служащим в типографии), не отдалился далеко от Пушкинского дома, сумел внедриться в эту академическую структуру и стал заниматься тем, чем опять-таки нельзя было заниматься в советскую эпоху – древнерусской литературой, о которой мы говорили и о том, что она была радикально православной и посему была неприемлемой для советской официальной культуры и науки в силу того, что этой самой культуре и науке был свойствен совершенно иной радикализм. Можно спорить насколько он, как считал сподвижник Лихачёва Панченко, соотносился со средневековой православной традицией, но радикализм был другой. О Боге вспоминать не любили. А если цитировали древнерусскую литературу, то приходилось вспоминать. Сложно было с этим. Лихачёв понимал эту сложность. Его первые работы, связанные с историей древнерусской литературы, апеллируют к национально-патристическим основам этой литературы. Вот становление национального самосознания, первые монографии связаны с этим, что вписывалось, казалось бы, в идеологию государства. Потому что это государство дошло уже до крайней степени шовинизма в последние годы сталинской власти. Казалось бы, эти труды вписывались в существовавшую парадигму, но с одним отличием от парадигмы, которое хорошо понимал, на мой взгляд, Лихачёв, и не очень понимали цензоры. Там речь шла всё-таки о другой культуре, о той культуре, которую официозная власть допустить не могла и не хотела. Культура должна была быть одна – это прогрессивная культура советского общества – строителя новых ценностей. Лихачёв дал возможность интеллигенции, в том числе той, которая занималась русской историей, почувствовать возможность и необходимость другой культуры. Несмотря на то, что иногда в самом дискурсе допускались эти коннотации с официозной

идеологией. Это был его подвиг, подвиг интеллигента-гуманитария, за который мы должны быть ему благодарны. И его работы не устарели по сей день. Даже написанные в тот период, когда казалось бы научных работ на эту тему писать было нельзя. Он смог это сделать и в этом его заслуга. Он работал интеллигентно даже тогда, когда не было для этого условий. Ну а прогибаться перед властью всегда приходится в той или иной степени. Главное – это итог твоей работы. Ты должен думать о том, чтобы итог твоей работы не сводился к этим реверансам перед властью предрешающими.

– Среди людей, которые стали легендами в советские годы был не только Дмитрий Сергеевич Лихачёв, но и Алексей Фёдорович Лосев, человек, сохранивший основы дореволюционной русской философии; человек, всю жизнь занимавшийся античной эстетикой, создавший колоссальный свод знаний по античной эстетике и тем заслуживший научное бессмертие...

– Мне бы хотелось обратить внимание на то обстоятельство, на которое не обращают обычно внимания, когда говорят с придыханием об Алексее Фёдоровиче. Он должен был как философ реагировать на официальную философскую доктрину – на марксизм-ленинизм. Он же цитировал Ленина как философа в своих работах. Ну и я обратил внимание на то, что в его ранних публицистических работах проскальзывает тот публицистический стиль, который свойствен вот этой самой интеллигенции революционной эпохи – радикальный, непримиримый. В его работе о пролетариате и религии, где он пишет о том, что пролетариат не может обходиться без религии, я иногда чувствую эту ленинскую публицистическую нотку. Так что мы должны представлять себе, что не какие-то там выродки и ничтожества, каковыми иногда сейчас считают лидеров большевистской идеологии, формировали эту идеологию, они исходили из той интеллектуальной среды, из которой выходили и люди далёкие от такого ортодоксального большевизма. Лосев был православным мыслителем. Хотя, конечно, он не мог писать свои сочинения как православный мыслитель, но иногда традиционный радикализм православия в его сочинениях вырывается. Особенно в ранних трудах таких как, например, «Античная космология и современная наука». Он там пишет о латинском соблазне, который впитывает иудейские экономические теории, как некая противоположность православию. Вот это у него откуда-то из глубин православного подсознания поднимается. Это показывает, насколько мы всё-таки связаны с этими самодовлеющими уже стереотипами.

Беседовал Максим Ефимов, <http://right.karelia.ru>

Автор: Петрозаводск, 2007 © Babr24.com ОБЩЕСТВО, РОССИЯ 👁 6496 02.12.2007, 23:54 📌 210

URL: <https://babr24.com/?ADE=41527> Bytes: 54216 / 53963 Версия для печати

👍 Порекомендовать текст

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- Телеграм

- ВКонтакте

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

Автор текста: Петрозаводск,
2007.

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: @babr24_link_bot

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: @bur24_link_bot
эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова
Телеграм: @irk24_link_bot
эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская
Телеграм: @kras24_link_bot
эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: @nsk24_link_bot
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: @tomsk24_link_bot
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: @babrobot_bot
эл.почта: eqquatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)